

УДК 821.511.152
EDN YMWXZP

<https://vestnikniign.ru>

Научная статья

МОТИВНО-ОБРАЗНЫЙ КЛАСТЕР «ВРЕМЕНА ГОДА» В ЭРЗЯНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИРИКЕ

С. В. Шеянова

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
sheyanovas@mail.ru

Аннотация

Введение. В отечественном литературоведении актуальными признаются вопросы природной образности, пейзажного кода как метафорической доминанты поэтической речи, ключевого символического компонента текста, импликации мироощущения лирического героя, манифестации авторских мотивно-тематических предпочтений. Особую значимость приобретает исследование отдельного сегмента природно-образной выразительности — «времена года» — эстетических принципов реализации кластера в произведениях эрзянских поэтесс, поскольку образы времен года в них отличаются способностью не только визуализировать пространственно-временные модусы, передавать разнообразие эмоционально-смысловые доминанты, ассоциации, но и отражать психологические контексты субъективной картины мира, индивидуально-авторское мироощущение, а также семантической многоплановостью, кодированной символикой. Цель статьи — выявить специфику репрезентации «сезонных» картин в стихотворениях эрзянских поэтесс, раскрыть их семантические функции.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили стихотворения Л. Рябовой, А. Подгорновой и М. Слугиной. В работе использованы традиционные методы литературоведения (структурно-семантический, историко-функциональный, целостного анализа художественного текста), а также интерпретационный и гендерный подходы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование мотивно-образного кластера «времена года» углубляет представления о поэтике современной эрзянской литературы, расширяет подходы к изучению национального женского творчества. В произведениях авторов-женщин традиционная поэтизация времен года, использование «сезонных» пейзажей, описаний как средства репрезентации пространственно-временного континуума и эмоционального состояния лирического героя усложняется онтологической экзистенцией, визуально-созерцательные картины времен года обогащаются символическими (архетипическими) ассоциациями, экзистенциальными смыслами (быстротечность жизни, невозможность повернуть время вспять, непредсказуемость человеческой судьбы), получают индивидуальную семантизацию.

Заключение. В эрзянской женской лирике времена года реализуются на нескольких уровнях — способствуют эмоционально-образному творческому самовыражению, воссоздают хронотоп, определенный сезон с характерными красками, звуками, запахами, коррелирующий или контрастирующий с состоянием лирической героини, становятся средством психологизации, интимизации ее диалога с природой, миром, концентрируют в себе глубокие онтологические смыслы, экзистенциальные интенции, наделяются разнообразными символично-ассоциативными функциями, содержательно-оценочными и эмоциональными коннотациями.

Ключевые слова: эрзянская поэзия, женская лирика, А. Подгорнова, Л. Рябова, М. Слугина, образы времен года, мотив, лирическая героиня

© Шеянова С. В., 2024

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>

Для цитирования: Шеянова С. В. Мотивно-образный кластер «времена года» в эрзянской женской лирике // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 4. С. 213 — 225. EDN YMWXZP

Original article

THE MOTIVE-SHAPED CLUSTER “SEASONS” IN THE ERZYA WOMEN’S LYRICS

S. V. Sheyanova

Ogarev National Research Mordovia
State University,
Saransk, Russia
sheyanovas@mail.ru

Abstract

Introduction. In Russian literary criticism, the issues of natural imagery, landscape code as the metaphorical dominant of poetic speech, the key symbolic component of the text, the implication of the lyrical hero’s worldview, the manifestation of the author’s motivational and thematic preferences are considered relevant. Of particular importance is the study of a separate segment of natural figurative expressiveness — “the seasons”, the aesthetic principles of the cluster implementation in the works of Erzya poetesses, since the images of the seasons in them differ in the ability not only to visualize spatial and temporal modes, convey a variety of emotional and semantic dominants, associations, but also reflect the psychological contexts of the subjective picture of the world, an individual author’s worldview, as well as semantic diversity, encoded by symbols. The purpose of the article is to identify the specifics of the representation of “seasonal” paintings in the poems of Erzya poetesses, to reveal their semantic functions.

Materials and methods. The research material was poems by L. Ryabova, A. Podgornova and M. Slugina. The work uses traditional methods of literary criticism (structural-semantic, historical-functional, holistic analysis of a literary text), as well as interpretative and gender approaches.

Results and discussion. The study of the motive-shaped cluster “seasons” deepens the understanding of the poetics of modern Erzya literature, expands approaches to the study of national women’s creativity. In the works of female authors, the traditional poetization of the seasons, the use of “seasonal” landscapes, descriptions as a means of representing the space-time continuum and the emotional state of the lyrical hero is complicated by ontological existence, visually contemplative paintings of the seasons are enriched with symbolic (archetypal) associations, existential meanings (the transience of life, the inability to turn back time, the unpredictability of human fate), receive individual semantics.

Conclusion. In Erzya women’s lyrics, the seasons are seen on several levels — they contribute to emotional and imaginative creative self-expression, recreate a chronotope, a certain season with typical colors, sounds, smells, correlating or contrasting with the state of the lyrical heroine, become a means of psychologization, intimatization of her dialogue with nature, the world, concentrate deep ontological meanings, existential intentions. They are endowed with a variety of symbolic and associative functions, content-evaluative and emotional connotations.

Keywords: Erzya poetry, female lyrics, A. Podgornova, L. Ryabova, M. Slugina, images of the seasons, motive, lyrical heroine

Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00098, <https://rscf.ru/project/24-28-00098/>

For citation: Sheyanova SV. The Motive-Shaped Cluster “Seasons” in Erzya Women’s Lyrics. Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2024;16(4):213—225. EDN YMWXZP

Введение

В современном литературоведении актуальной исследовательской стратегией признается разноаспектное изучение женского литературного дискурса, специфики репрезентации женской ментальности, форм, средств, приемов творческого самовыражения женщины. Определение индивидуально-художественного мироощущения, содержательно-смыслового, хронотопического, выразительного своеобразия произведений авторов-женщин весьма продуктивно, на наш взгляд, в аспекте природной образности, эстетических возможностей такого сегмента поэтической выразительности как «времена года», «традиционных мифологем, широко представленных в художественном сознании различных эпох и народов» [12, с. 317], воспринимаемых «одним из ключевых символично-образных пластов, без которых немислима художественная изобразительность» [3, с. 99], поскольку «во времена года изначально заложен архетипичный универсальный смысл, которого в принципе не может миновать ни один писатель» [4, с. 160]. В языческом сознании ежегодно повторяющаяся смена времен года соотносилась с идеей циклического времени, универсалией является отождествление времен года с временем суток и с этапами человеческой жизни.

Образы времен года широко и многообразно представлены в отечественной литературе, что обусловлено, на наш взгляд, ярко выраженными природно-погодными контрастами, климатическими особенностями российской действительности, крепкой поэтической традицией, а также творческим мироощущением авторов, испытывающих потребность посредством природно-образных символических ассоциаций раскрыть важнейшие онтологические, философские, аксиологические вопросы, перевести лирический монолог в коммуникацию с читателем, заставить его рефлексировать — сопереживать, восхищаться и т. д. Этот сегмент обладает большими выразительными возможностями на разных уровнях поэтической структуры — участвует в построении сюжетов, конструирует пространственно-временной хронотоп, воссоздает визуальные, акустические, цветовые реалии, отражает лирико-психологические соответствия / контрасты, разнообразие человеческих интенций, многообразии субъективных миров.

В мордовской литературе времена года следует считать традиционным мотивно-образным кластером, о чем свидетельствуют произведения поэтов разных эпох — М. Безбородова, Я. Григошина, Никула Эркая, Артура Моро, А. Мартынова, П. Любаева, И. Калининна, С. Кинякина, Н. Ишуткина, А. Арапова, Р. Орловой, Л. Дергачевой и др. На примере поэтической рефлексии «сезонных» тем и образов данными мастерами слова можно проследить, как содержательно меняется мотивно-образная система национальной поэзии от пафосного созерцания окружающей среды к актуализации психологического контекста, осмыслению человека как «микромира» до восприятия архетипических смысловых констант, уникальных символических ассоциаций, манифестации сложных онтологических вопросов. В лирике каждого поэта времена года получают особую семантическую наполненность, что во многом

обусловлено обстоятельствами его жизни, мировосприятием, творческой концептуальностью, а также внутрилитературными тенденциями. Например, у М. Безбородова («Тунда» / «Весна») они играют на созерцательное, чувственное восприятие мира природы, поэтизированной, поражающей своим естеством среды, развивают эстетические чувства, умение видеть красоту родной земли. В текстах поэтов 1960 — 1980-х гг. наблюдаются «открытые» визуальные сюжеты, максимально реалистичные, не отягощенные мифологическим блеском, авторы сконцентрированы на внешнем восприятии окружающего мира, коррелирующего с состоянием лирического субъекта. Поэзия начала XXI столетия, тяготеющая к постмодернистскому формату выражения интенций, лишена патетики, природная образность в ней отличается многомерной семантической функциональностью, символической кодировкой, призвана отразить экзистенциальный мирообраз — эпоха, терзаемая противоречиями, хаос в обществе, неопределенность будущего.

В мордовском литературоведении нет специальных исследований, посвященных изучению семантики времен года в поэтическом дискурсе авторов-женщин. Между тем решение данной задачи представляется весьма важным и научно значимым, поскольку углубляет представления о развитии женского поэтического дискурса, расширяет вводимый в аналитическое поле художественный материал, позволяет выявить вектор творческого поиска поэтесс, стратегию эволюционирования литературной системы в целом. Актуальность статьи обусловлена недостаточностью изучения специфики репрезентации и функциональной семантики образов времен года в творчестве эрзянских поэтесс, необходимостью введения в научный контекст их произведений. Статья актуализирует ряд сопутствующих исследовательских проблем (специфика постмодернизма в мордовской литературе, смысловое приращение традиционных символических кодов, рецепция архетипических образов, экзистенциальность творческого мировосприятия), дополняет теоретическую базу финно-угорского литературоведения.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили произведения Л. Рябовой (сборник «Кие тон?» / «Кто ты?»), А. Подгорновой («Марямга» / «Вслух», «Кроме рифм», «Мель» / «Мысль»), М. Слугиной («Тюст» / «Оттенки»). В работе использованы традиционные методы литературоведческого анализа: метод целостного анализа художественного текста, структурно-семантический, историко-функциональный; интерпретационный и гендерный подходы.

Обзор литературы

В современном финно-угорском литературоведении проблемы женского творчества, специфики репрезентации гендерной картины мира, влияние женской реальности на структурно-содержательные параметры текста, арсенал изобразительности «женского» письма находят разноаспектное освещение в работах А. А. Арзамова [2; 3], А. В. Камитовой [6], Р. А. Кудрявцевой [10], А. В. Малевой [11] и др. Актуальность гендерного подхода обусловлена не только активизацией женского творчества на рубеже XX — XXI вв., но и исследовательским инструментарием, поскольку он «позволяет, отстранившись от традиционных литературоведческих трактовок, исследовать произведения в аспекте особенностей мужского / женского художественного сознания с учетом его трансформации в контексте культурно-

исторической эпохи, что особенно актуально в переосмыслении теоретически значимой проблемы — изображения человека» [11, с. 3].

В мордовском литературоведении женское творчество как «сложное социокультурное явление», «национально-эстетический феномен, отражающий особенности этнического сознания, определенный сегмент национальной картины мира» [14, с. 124] не оказывается на периферии научного интереса исследователей, что подтверждается диссертационными работами [5], монографиями [1], отдельными статьями [7; 8; 13; 14] и др., в которых женский художественный дискурс рассматривается в аспекте отражения многообразия человеческих взаимоотношений и интенций, осмысления онтологических категорий, метафизических понятий, проблемно-тематических модусов, мотивно-образных кластеров, инструментария изобразительной образности. Однако своеобразие реализации в творческом сознании авторов-женщин пейзажно-природного кластера и сезонных пространственно-временных категорий, функциональная семантика образов времен года, оригинальность их интерпретации и символическая кодировка в лирических опытах эрзянских поэтесс до настоящего времени не являлись объектом специального исследования, что определяет актуальность и своевременность настоящей статьи.

Результаты исследования и их обсуждение

На рубеже XX — XXI вв. в мордовской литературе происходят изменения, трансформации, обусловленные социокультурными обстоятельствами, внутрилитературными тенденциями, прослеживающиеся на разных уровнях художественного целого — нарративном, композиционном, мотивно-образном, проявляющиеся в аксиологическом осмыслении человека и мира, актуализации философских, метафизических проблем, констатации ценностных категорий, расширении типов героев, углублении эстетических средств репрезентации мирообраза и анализа эмоционально-психологического состояния персонажа. Важно то, что меняется и субъект творчества — на смену доминирующему в советскую эпоху мужскому дискурсу приходит женское творчество, характеризующееся специфическим подходом к рефлексии мира и личности, оригинальными средствами отражения женской ментальности. Об этом свидетельствует творчество эрзянских поэтесс Л. Дергачевой, Л. Рябовой, А. Подгорновой, М. Слугиной, Т. Мокшановой, С. Фадеевкиной и др., в произведениях которых наблюдается своеобразная интерпретация сезонного сегмента природно-пейзажного кода, «сопряженного с особым комплексом изобразительных средств, призванных воплотить тот или иной тип эстетического переживания» [15, с. 169].

В художественном мире А. Подгорновой сезонные образы раскрывают мироощущение лирической героини, наделяются символической знаковостью, разнообразной содержательной коннотацией. В стихотворении с интертекстуальным названием «Что мне об осени сказать? Ведь все описано...»¹ (прецедентный текст: «О любви не говори — / О ней все сказано») «сухими листьями хрустящая», «тоску надламывающая», «дождем обкалывающая» осень психологически близка героине, поэтому она приглашает ее «квартировать в грудину тесную», «переселиться в нее

¹ Подгорнова А. Мель. Саранск, 2021. С. 40.

на пару месяцев». Строкой «Здесь столько сброшено надежд и чувств засушено» акцентировано экзистенциальное состояние героини, пережившей глубокое разочарование, личную драму. Своими эмоциями она готова поделиться лишь с осенью, которая предстает в разных ипостасях: в сентябре она так красива, что «терпеть природе тягостно», в октябре манит «в янтарь — из золота», в ноябре олицетворяет «черноземную печаль, тоску зеленую». Время года наделяется символической семантикой — воспринимается близкой подругой героини, с которой она коммуницирует, что психологически мотивированно ее потребностью в общении («вдвоем не скучно тосковать»). Диалогизированный монолог героини эмоционален, что передается посредством как лексических средств, так и синтаксических конструкций (восклицания, вопросы, незавершенная мысль). Обращения к осени «золотка», «моя холодная», «моя прелестная», «моя отдушина» свидетельствуют об искренности, открытости героини, ее полной уверенности в том, что нашла родственную душу.

Положительная коннотация природного мира наблюдается и в стихотворении А. Подгорновой «Сексень чинезэ — ютазь кизэнь...» («У осени запах — прошедшего лета...»)², в котором созерцательная поэтизация «золотой» осени перерастает в размышления онтологического плана, что акцентируется вопросом: *Ломанентень эряви мезе?* («Что нужно человеку?»)³. В поисках ответа лирическая героиня приходит к выводу о том, что в современном обществе приоритетом является финансовое благополучие, в череде бесконечных дел человек забывает о духовных составляющих: *Пазось яки минек икельга — / А капиатано сюконямо* («Бог ходит перед нами — / Не торопимся поклониться»). Нивелирование духовных и нравственных ценностей неизбежно приводит к глобальным противоречиям, конфликтам в социуме, что невозможно в естественной среде. Философская мысль о своевременности времен года, гармоничной смене сезонов, обусловленных волей высших сил, духовности человеческой природы, ответственности каждого за свою судьбу наполняет стихотворения А. Подгорновой «Течи паро ежом...» («Сегодня мне хорошо...»)⁴, «Вай, кодамо течи ожо чись!» («Какой сегодня желтый день!»)⁵. В последнем архетипические образы Времени, Земли (*Кедте кундазь мартон моли Шкась, / Весе Модась ахоли минек / «Под руку со мной идет Время, / Вся Земля машет нам»*) акцентируют аксиологическое мироощущение героини, восприятие ею жизненных ценностей, а также психологическое состояние — способность возрождаться, наполняться душевной энергией, надеждой.

В стихотворении Л. Рябовой «Ожо нурсемасо нурси сексесь...» («На желтых качелях качается осень...»)⁶ образ времени года репрезентируется посредством желтого цветового маркера: *ожо нурсемасо* («на желтых качелях»), *ожо рисьметь* («желтые ленточки»), *ожо пикст* («желтые веревки»), *валдо-ожо локсей* («светло-желтый лебедь»), *ожо кикст* («желтые полосы»), выполняющего созерцательно-изобразительную роль, передающего яркость, насыщенность, игривость ранней

² Подгорнова А. Марямга. Саранск, 2013. С. 10.

³ Здесь и далее перевод автора — С. Ш.

⁴ Подгорнова А. Марямга. С. 16.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Рябова Л. Кие тон? Саранск, 2017. С. 53.

осени, одновременно рождающего в сознании реципиента размышления о необратимости сезонных циклов, минорные ассоциации (скоро наступит межсезонье, яркие цвета выцветут, станут блеклыми, серыми), мотивы отрешенности, опустошенности. Таким образом поэтически воссоздается архетипическая модель мироздания: цветущая природа скидывает одежду, впадает в грусть, обнажается в ожидании первого снега.

Сюжетообразующая роль времени года прослеживается в стихотворении Л. Рябовой «Прок покш толбандя палы сексесь...» («Словно костер горит осень...»)⁷, в котором сезонный образ становится средством раскрытия любовного конфликта, передачи депрессивного настроения лирической героини, ассоциируется с невозвратностью ушедшей любви. Героиня «сжигает» в осени болезненные воспоминания о человеке, который не смог оценить и принять ее чувства. Природа не только сопереживает, но и пытается помочь ей (*ваксозон лембе вармась лотксесь / Ды вадяшась монь сёлмосонзо / «рядом останавливался теплый ветер / И гладил меня крыльями своими»*), однако состояние героини экзистенциально, решить проблему невозможно (*Пултавлинь... ансяк тон а палат, / Кадовить чапокс седеезэнь / «Сожгла бы... но не горишь ты, / Остался рубцом на сердце»*). Таким образом автором манифестируется фатально-роковое восприятие неразделенной любви как человеческой драмы, развивающейся на фоне осени.

В стихотворении Л. Рябовой «Тундо, оям!» («Весна, подруга!»)⁸ весна предвкушается, угадывается на определенном расстоянии, что поэтически обыгрывается посредством вопросов: *Тон марясак шалтонть? Тон редясак валдонть?* («Ты слышишь гул? Ты различаешь свет?»). Разрушение зимнего хронотопа передано строкой *Модась сези кельмевтиця тертнень* («Земля разрывает холодные прутья»), предвесенний пейзаж разворачивается посредством образа «синего неба», «взволнованных птиц». В авторском сознании весна наделяется традиционной символической семантикой как источника внутренней энергии, времени психологического обновления, вдохновения, поиска, продуктивных свершений. Во второй части стихотворения созерцательность сменяется активностью лирической героини, призывающей свою подругу к революционным действиям — разрушить традиции отцов, «одеть крылья» и «отправиться летать». На ее экзистенциальных весах желание перемен, смелость, находчивость, перевешивают страх «отсутствия пути».

В поэзии Л. Рябовой архетипические образы времен года перемежаются с субъективным психологическим состоянием, мироощущением. Так, в стихотворении «Мон сан» («Я приду»)⁹ представлено лично окрашенное восприятие весны, в природную картину имплицировано лирическое «я», вследствие чего созерцательность пейзажа растворяется в человеческих переживаниях, раздумьях. Героиня уверена, что весна с «зелеными ветрами», «синими дождями» растопит сердце ее возлюбленного, он простит ее и примет, «даже если не ждет» (*бути тон а карматкак учомо*). Весна наполняется христианским мотивом прощения, исцеления от зла, обиды, что приводит к смысловому обогащению образа.

⁷ Рябова Л. Кие тон? Саранск, 2017. С. 86.

⁸ Там же. С. 36.

⁹ Рябова Л. Указ. соч. С. 88.

В стихотворении А. Подгорновой «Сентиментальное»¹⁰ образ весны приращается оригинальной символической семантикой: воспринимается «анархией», ассоциируется с современной действительностью, проявлениями которой в авторской картине мира становятся антиномичные образы «цветущего сада», «на ветках развешанных песен птиц», «дымящегося вулкана», «лавы — красной, горячей, мощной». Это время года нравится героине, поскольку она может «мечтать, фантазировать», «окупаться в сны», «с кем-то просто послушать джаз», «виртуозно, талантливо помолчать». Финальные строки «Весна — пора дележа ощущений, ночей, и, быть может, душ, / Если знать, где они лежат» наполняют произведение философским смыслом о многообразии субъективных проявлений, человеческих интенций.

В постмодернистской картине мира А. Подгорновой весна наделяется и негативной коннотацией. В стихотворении «Тундо» («Весна»)¹¹ автор находит для ее определения только отрицательные маркеры: она как «кол в сердце» (*седейсэнть прок кол*), «хватается за горло» (*кирьяс кунды*), «выжимает души» (*сон ойметнень пурды*), «упрекнешь — начнет мстить» (*покордасак — кежень пандомо мурды*), «сжигает первой молнией» (*васень ендолсо пулты*). Весна не просто раздражает героиню, ее неприятие сезона экзистенциально, о чем свидетельствует фраза «болеет, но никак не умрет» (*сэреди ды кодаяк а кулы*). Даже в последней строке весна не реабилитируется, что манифестируется лексически: «цветком горькой яблони опять набухла» (*сэней умарень цецякс таго пургондсь*). В стихотворении «Весна ты»¹² лирическая героиня пытается найти контакт с весной «бесноватой», «разбуженной будто до времени», она открыта для общения («щедрая на откровения»). Анонсируемый в первых строках диалог переходит в монолог героини, поскольку весна воткнула ей в душу «свой волшебный пруточек» «в знак разговения». Коммуникацию наладить не удалось: героиня стала весне «бременем», та «вытрясла ей душу», диссонанс во взаимоотношениях акцентирует финальная строка «Я тепла твоего не вынесла». Таким образом, в творчестве А. Подгорновой наблюдается трансформация семантики традиционного мотивно-образного кода «весна» как символа возрождения, душевного преобразования, он наделяется негативной модальностью, отражает дисгармонию человеческих взаимоотношений.

В «весенних» стихотворениях М. Слугиной «Течи — телень меельце чи...» («Сегодня — последний день зимы...»), «Кутмордызе тундось моданть...» («Обняла весна землю...»), «"Модной" тундо» («"Модная" весна»), «Течи вальма панжса келес...» («Сегодня открою окно настезь...»), «Тундо» («Весна»)¹³ время года колористически акцентировано, детализировано. Развертывание живописного кода проходит без непосредственного участия лирического «я», поэтому человеческая экзистенция в них уступает место созерцательности. Развитие сюжета в текстах архетипично: весна несет тепло, возрождение, обновление окружающей среды, ликование, поэтому ее восприятие восторженно, возвышенно. Она проявляется не только на визуальном, но и на звуковом (жойк, жойни, элякали), цветовом (ашо, пиже, домка

¹⁰ Подгорнова А. Кроме рифм. Саранск, 2016. С. 77.

¹¹ Подгорнова А. Мель. С. 75.

¹² Подгорнова А. Марямга. С. 126.

¹³ Слугина М. Тюст. Саранск, 2021. С. 33, 35, 36, 38, 39.

сэнь, тюжт-мери), тактильном (ахоли, кутькавты, кутмори, матравты) уровнях, что создает эффект целостности картины, осложняет семантику образа.

По утверждению исследователей, «летний пейзаж эстетически наименее освоенный в отечественной поэзии» [15, с. 181]. Однако в произведениях эрзянских поэтесс, наоборот, наблюдается пристрастие к образам лета. В стихотворении А. Подгорновой «Пужозь цецянь пусмо казсь тень кизэсь...» («Лето подарило мне букет увядших цветов...»)¹⁴ лето антропоморфизируется, наделяется гендерными чертами мужчины-гостя, с которым у героини сложились противоречивые отношения. Гость долго не задерживается, неожиданно «сбегает» из ее жизни, обдав «холодным туманом», оставив на память лишь «капельки росы», однако она вдохновлена тем, кто был к ней холоден, «омыл лицо соленой водой» (*шилзе чамам салов ведьсэ*), желает «во сне пойти ему в гости» (*онстон молян тензэ инжекс*). Образ букета из увядших цветов не только композиционно обрамляет текст, выполняет сюжетную нагрузку, но и имплицитно экзистенциальные смыслы и интенции — жертвенность, разочарование, разрушение надежд, неопределенность, ощущение узвимости бытия.

В стихотворении Л. Рябовой «Ялганень» («Подруге»)¹⁵ визуальные и звуковые изобразительные компоненты, репрезентирующие летний вечер (*кизэнь чокшинесь арты мөнельчиренть* / «летний вечер украшает горизонт», *цековтне чоледить* / «соловьи поют», *тикше потсто пижэ ватракишт ваньть* / «из травы выглядывают зеленые лягушки»), обрастают онтологическими размышлениями о времени и жизни (*ды тапари шкась эрямонь киренть* / «и мотает время нить жизни»), человеческой судьбе, взаимоотношениях, счастье и его проявлениях. Гармония естественной среды аккомпанирует безмятежному настроению лирической героини, испытывающей глубокие эмоции от общения со своей подругой. Лето у Л. Рябовой получает положительную содержательную коннотацию, ассоциируется с дружбой, счастьем, детством, родительским домом, способствует реконструкции воспоминаний о родных людях (бабушке — в стихотворении «Кандыть монень якстердиця кстыить...» / «Принесла мне красную землянику...»)¹⁶.

В стихотворении М. Слугиной «Кизэнь чокшне» («Летний вечер»)¹⁷ сезонный образ структурирует пространственно-временной континуум текста, отражает «деревенский» хронотоп, многообразный в своем проявлении (лай собак, ругающая мужа соседка, звук мотора трактора, стадо коров, кружка парного молока, завалинки родного дома и др.). Бытовые детали поэтизируются, вписываются в контекст авторской мирореальности. Героиня взволнованно вспоминает о том времени, «куда никогда уже не вернуться» (*зрядояк а велявтомс тезэнь*). Летний вечер в деревне перерастает в образ детства, сопряженного с безмятежностью, защищенностью от негативного внешнего воздействия.

А. М. Каторова отмечает, что «образ зимы в отечественной поэзии наделен широким спектром разнообразных смыслов. Встречаются диаметрально противо-

¹⁴ Подгорнова А. Марямга. С. 4.

¹⁵ Рябова Л. Указ. соч. С. 56.

¹⁶ Там же. С. 50.

¹⁷ Слугина М. Указ. соч. С. 32.

положные семантические оттенки — от красоты и морозной свежести (подобные примеры можно встретить у А. Пушкина, Б. Пастернака, А. Фета и др.) до мотивов умирания и безжизненности (в лирике А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Ахматовой и др.)» [8, с. 79]. В творчестве эрзянских поэтов зима интерпретируется в основном как положительный образ, при этом он не отличается частотностью. Например, в сборнике Л. Рябовой «Кто ты?» мы не обнаружили «зимних» стихотворений, в трех книгах А. Подгорновой — лишь одно, у М. Слугиной в количественном отношении они также уступают другим сезонным картинам.

Главный «персонаж» «зимних» текстов — снег. В стихотворении А. Подгорновой «Чевте ловось яла прась ды прась...» («Мягкий снег падал и падал...») ¹⁸ посредством него передаются экзистенциальные интенции — скоротечность времени (*эзь маряво, кода ютась шкась* / «незаметно пролетело время»), желание человека управлять им (*апак капша сырған теленть каршо* / «не спеша пойду навстречу зиме»). В данном тексте наблюдается обогащение символического смысла образа снега оригинальной авторской его интерпретацией как ребенка, за счет чего наделяемого положительной модальностью: *Ловось свал прок эйде — мазый, од, / Седей токи кельме чевтечизэ* («Снег всегда как ребенок — красивый, молодой, / Сердце трогает его холодная мягкость»). Следует сказать, что данное произведение еще лишено постмодернистского взгляда автора, что определяет характер лирической сентенции, восприятие природной событийности.

Стихотворение М. Слугиной «Эх, тон, теле, мазый теле!» («Эх, зима, красивая зима») ¹⁹ лишено субъектного участия, вследствие чего не затрагиваются психологически напряженные темы человеческих взаимоотношений, в центре внимания — естественные метаморфозы природы. Зимняя реальность представлена «теплым, легким снегом, нежно обнимающим деревья, покрывающим кусты, дома» (*ловось-как лембе, шождыне, ...Чевтьстэ кутморды чувотнень, / Вельти куракиштнень, кудотнень*), тишиной, умиротворением в природе. Архетипическая манера изображения рождает в поэтическом сознании автора глубокие онтологические смыслы: «зимой Земля отдыхает» (*Модась содазо оймамо*), чтобы набраться сил и возродиться весной, это время подобно тому, «когда Бог избавляет душу от боли» (*Кода Пазонтъ кедьсэ ойме, / Седейризксэсь тесэ ойми...*). Обращение к аутентичным образам, антропоморфизация окружающей среды привносит в текст мифопоэтическое усложнение, имплицитно мыслит о первозданности Природы, Земли.

Таким образом, времена года — один из самых значимых образно-выразительных ресурсов, востребованных инструментов художественной изобразительности в практике эрзянских поэтов, посредством которых изображаются как самостоятельная стихийность природы, так и соотношение природного и социального, а также глубины человеческой психики.

Заключение

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что в творчестве эрзянских поэтов сезонные образы репрезентированы посредством разнообразных изобразительных «аккордов» — визуальных, звуковых, цветовых, осяза-

¹⁸ Подгорнова А. Марямга. С. 6.

¹⁹ Слугина М. Указ. соч. С. 59.

тельных, тактильных. Поэтической рефлексии подвергаются все времена года, наиболее частотны осень, весна и лето. Они обрастают разнообразной символической семантикой — от архетипических смыслов до индивидуально-авторской интерпретации. Образы весны, лета, осени, зимы наделяются амбивалентными эмоционально-содержательными коннотациями, способствуют авторской рецепции человеческих интенций.

В лирике А. Подгорновой наблюдается динамика творческой рефлексии природных явлений и сезонных образов от визуальной созерцательности до экспликации психологических коллизий, диссонанса в человеческих взаимоотношениях, ментальных особенностей современности. В центре моделируемого ею сезонного хронотопа всегда находится лирическое «Я», что обуславливает сильную человеческую экзистенцию, акцент на психологическом состоянии, субъективном мировосприятии. Времена года у поэтессы наделяются ярко выраженной индивидуализированной семантикой, оригинальной символической знаково­стью, нетрадиционными коннотациями, способствуют манифестации экзистенциальных констант, импликации постмодернистского мироощущения автора.

В произведениях Л. Рябовой времена года имеют четко очерченные сезонные контуры, соотносятся с жизненной стратегией, внутренним состоянием лирической героини, при этом очевидна авторская установка на усложнение психологического дискурса текста за счет импликации онтологических смыслов о быстротечности времени, человеческой судьбе, любви, счастье, мифологизированной модели репрезентации пейзажного хронотопа, «включения» христианских мотивов, отдельных топосов (детство, родительский дом), конструирования категории памяти.

В сезонных стихотворениях М. Слугиной доминирует созерцательная изобразительность, автору важно передать визуальные маркеры времени года, раскрыть его яркий, полифоничный образ, тончайшие материи состояния природы, концептуализировать разнообразные хронотопы (детство, мир деревни, сад, лес). «Сезонный» пейзаж у автора редко коррелирует с субъективным «я», однако соотношение авторского сознания с архетипическими представлениями способствует решению художественной задачи визуально-чувственного репрезентирования многообразия проявлений природы.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы видятся нам в изучении своеобразия реализации и функциональной семантики сезонных образов в творчестве других национальных поэтесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. Мордовская литература рубежа XX — XXI вв.: поиски национальной идентичности. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 184 с.

2. Арзамазов А. А. Женские стратегии письма в удмуртской литературе: поэзия Анастасии Шумиловой // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 7 — 16.

3. Арзамазов А. А. Эволюция образной системы и лингвосемантические трансформации в удмуртской поэзии второй половины 1970-х — начала 2010-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 2016. 567 с.

4. Доманский Ю. В. Архетипические мотивы времен года в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» // Кормановские чтения. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. Вып. 3. С. 158 — 165.

5. Дьячкова Е. Н. Образная система и жанровое своеобразие художественного творчества Раи Орловой: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2018. 220 с.

6. Камитова А. В. Особенности зооморфной образности в творческой практике удмуртских поэтесс // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2015. № 6. С. 114 — 123.

7. Каторова А. М. Специфика художественно-эстетического мышления Людмилы Рябовой (на примере анализа сборника «Кие тон?» («Кто ты?»)) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 3 (55). С. 213—223. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf>

8. Каторова А. М. Женская лирика с необычным характером. О поэтическом творчестве Алины Подгорновой // Центр и периферия. 2017. №1. С. 96 — 114. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2017-1.pdf>

9. Кротова Д. В. Символика времен года в лирике В. Шаламова // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2 (87). С. 79 — 82.

10. Кудрявцева Р. А., Беляева Т. Н. Символика языческого мира в современной марийской женской поэзии (на примере лирического цикла З. Дудиной «Я в тихую рощу приду») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 — 3 (63). С. 31 — 37.

11. Малева А. В. Лирическая героиня современной коми женской поэзии: особенности семантики и поэтики образа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2014. 24 с.

12. Маслова А. Г. Времена года в поэзии Г. Р. Державина // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2, № 3. С. 317 — 324.

13. Налдеева О. И., Азыркина Е. И., Дьячкова Е. Н. Художественные особенности любовной лирики Р. К. Орловой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 1. С. 217 — 221.

14. Шеянова С. В., Юсупова Н. М., Габидуллина Ф. И. Специфика поэтической системы А. Подгорновой (сборник «Мель» («Мысль»)) // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 1. С. 123 — 132.

15. Эпштейн М. Н. Природа, мир, тайник вселенной: система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 07.05.2024.

Информация об авторе:

Светлана Васильевна Шеянова, профессор кафедры финно-угорской филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Antonov JG., Levina NN., Sheyanova SV. Mordovian Literature at the Turn of the XX — XXI Centuries: the Search for National Identity. Saransk;2018. (In Russ.)

2. Arzamazov AA. Women's Writing Strategies in Udmurt Literature: Poetry of Anastasia Shumilova. *Bulletin of Ugric Studies*. 2020;10(1):7—16. (In Russ.)

3. Arzamazov AA. Evolution of the Figurative System and Lingvo-Semantic Transformations in the Udmurt Poetry of the Second Half of the 1970 — Early 2010 Years: Dis. ... Dr. Philol. Sci. Izhevsk; 2016. (In Russ.)
4. Domansky YV. Archetypal Motifs of the Seasons in F. M. Dostoevsky's Novel «Poor People». *Korman Readings*. Izhevsk;1998:158—165. (In Russ.)
5. D'jachkova EN. The Figurative System and Genre originality of the Artistic Work of Raya Orlova: Dis. ...Cand. Philol. Sci. Saransk;2018. (In Russ.)
6. Kamitova AV. Features of Zoomorphic Imagery in the Creative Practice of Udmurt Poetesses. *Bulletin of Udmurt University. History and Philology Series*. 2015;6:114—123. (In Russ.)
7. Katorova AM. Specificity of Artistic and Aesthetic Thinking of Lyudmila Ryabova (on the example of the analysis of the collection «Kie ton?» («Who are you?»)). *Bulletin of the Research Institute of the by the Government of the Republic of Mordovia*. 2020;3(55):213—223. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf> (In Russ.)
8. Katorova AM. Women's Lyrics With an Unusual Character. About the Poetic Work of Alina Podgornova. *Center and Periphery*. 2017;1:96—114. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2017-1.pdf> (In Russ.)
9. Krotova DV. Symbolics of the Seasons in V. Shalamov's Lyrics. *Scientific notes of Orel state university. Series: Humanities and social sciences*. 2020;2(87):79—82. (In Russ.)
10. Kudryavtseva RA., Belyaeva TN. Symbolism of the Pagan World in the Contemporary Mari Women's Poetry (by the example of Z. Dudina's Lyrical Cycle «I will Come to the Quiet Grove»). *Philology. Theory & Practice*. 2016;9-3(63):31—37. (In Russ.)
11. Maleva AV. The Lyrical Heroine of Modern Komi Women's Poetry: Features of the Semantics and Poetics of the Image. *Syktyvkar*;2014. (In Russ.)
12. Maslova AG. Seasons in the Poetry of G. R. Derzhavin. *Teacher of the XXI Century*. 2010;2(3):317—324. (In Russ.)
13. Naldeeveva OI, Asyrkina EI, D'yachkova EN. Artistic Features of R. K. Orlova's Love Lyrics. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(1): 217—221. (In Russ.)
14. Sheyanova SV., Yusupova NM., Gabidullina FI. The Specifics of the Poetic System of Alina Podgornova (Collection «Mel» («The Thought»)). *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(1):123—132. (In Russ.)
15. Jepshtejn MN. Nature, World, Secret of the Universe: a System of Landscape Images in Russian Poetry. Moscow;1990. (In Russ.)

The article was submitted 20.03.2024, approved after reviewing 26.04.2024, accepted for publication 07.05.2024.

Information about the author:

Svetlana V. Sheyanova, Professor of the Department of Finno-Ugric Philology at the N. P. Ogarin National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philology, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6504-3410>, sheyanovas@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.